

Данилов, Д.Д. История России. XIX – начало XX века. 8 кл.: учеб. для организаций, осуществляющих образовательную деятельность / Д.Д. Данилов, В.А. Клоков, С.С. Кузнецова, Н.С. Павлова, В.А. Рогожкин, Е.В. Сизова. – Изд. 4-е, испр. – М.: Баласс, 2015. – 368 с.

А.С. Пушкин

С. 117. Настоящий взрыв в русском общественном мнении произвела публикация в 1836 году в журнале «Телескоп» первого из «Философических писем» Петра Яковлевича Чаадаева. Это был русский офицер, в прошлом член декабристского Союза благоденствия, друг А.С. Пушкина. В своих сочинениях он размышлял об исторической судьбе России: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чём не содействовали движению вперёд человеческого разума, а всё, что досталось нам от этого движения, мы исказили». Николай I охарактеризовал содержание «Философических писем» как «смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишённого». Над Чаадаевым был установлен полицейский надзор и контроль врачей, а редактор журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин был отправлен в ссылку. Совершенно иначе возражал своему другу А.С. Пушкин: «А Пётр Великий, который один есть целая всемирная история! Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал». При этом и Пушкин, и другие друзья Чаадаева признавали, что в его письмах «многое глубоко верно», и пытались найти ответы на поставленные им вопросы.

С. 128-130. Вокруг реформы языка не смолкали споры: все понимали, что он должен совершенствоваться, но не знали, в каком направлении будет происходить его развитие. Черту под этими исканиями и спорами подвёл гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), соединившего в своём творчестве язык литераторов-дворян, лексику простого народа и высокий слог церковных книг. Стихи поэта, певучие и понятные, на долгое время останутся величайшим образцом литературного творчества. Они воплотили в себе ясность и размеренность классицизма, тонкость чувств сентиментализма, мечтательность романтизма, правдивость и критичность реализма. Пушкин был первым поэтом, который стал жить на деньги, зарабатываемые литературным трудом. Издатели стали платить за его произведения в несколько раз больше, чем за стихи и прозу тех, для кого литература была лишь увлечением, а средства давала государственная служба.

Пушкин уже при жизни стал многогранным явлением в русской культуре. В стихотворении «Пророк» он воплотил свои представления о предназначении поэта:

Духовной жаждою томим,

В пустыне мрачной я влачился, –

И шестикрылый серафим

На перепутье мне явился...

И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Непросто складывались отношения Пушкина с властями. В письме к своей жене Наталье Гончаровой он писал: «Видел я трёх царей. Первый велел снять с меня шапку и пожурил за то мою няньку. Второй меня не жаловал. Третий упёк меня в камер-юнкеры на старости лет, но променять его на четвёртого не желаю – от добра добра не ищут». Александр Сергеевич имел в виду то обстоятельство, что Николай I, желая, чтобы красавица Наталья регулярно танцевала на балах при дворе, дал Пушкину придворную должность камер-юнкера, которую обычно давали дворянским юношам, и потому Пушкин, которому было за 30 и который уже был известным литератором, не мог не чувствовать себя оскорблённым. Это письмо агенты III Отделения, как обычно, тайно вскрыли и прочитали. Вполне благонамеренный, хотя и шуточный отзыв о Николае вызвал у агентов возмущение, и они передали письмо царю, чтобы он сам решил – есть ли здесь противоправительственное высказывание. Когда Пушкину стало об этом известно, он в гневе записал в своём дневнике: «...я могу быть подданным, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Смерть Пушкина на дуэли вызвала взрыв эмоций в России. В аристократических салонах распускали слухи, что жена Пушкина изменяет ему с красавцем Дантесом. Возмущённый поэт вызвал того на дуэль, где был смертельно ранен. Среди почитателей Пушкина сложилось мнение, что дуэль была подстроена недоброжелателями поэта из ближайшего окружения царя Николая I. Однако сам император, когда узнал о случившемся, сказал: «Знай я, что происходит, я отослал бы Дантеса в 24 часа за границу...» Друг Пушкина Жуковский вспоминал, что перед смертью поэт просил его: «Скажи государю, что я желаю ему долгого-долгого царствования, что я желаю ему счастья в его России». Проводить поэта в последний путь пришли люди разных сословий, взглядов и убеждений. А лучшей надгробной надписью для Пушкина стал написанный им незадолго до смерти перевод стихов древнеримского поэта Горация – «Памятник»:

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

С. 228. В 1880 году в Москве, на Тверском бульваре, был открыт памятник А. С. Пушкину. На его постаменте были высечены предсмертные стихи поэта, незадолго до того найденные в рукописях. Это был первый памятник не государственному деятелю, а литератору, да ещё и созданный на общественные пожертвования. На открытие памятника в 1880 году собрались многие деятели русской литературы и искусства, были приглашены корреспонденты 22 газет и журналов. За время, прошедшее с чаадаевского утверждения, что «мы миру ничего не дали», многое изменилось. Все ждали «нового слова» о роли и месте русской культуры в культуре общемировой. Наибольшее впечатление произвела на всех речь Ф.М. Достоевского, заявившего, что «Пушкин – наше всё!», это одновременно и великий национальный, и «всечеловеческий» поэт. Начиная с Пушкина у русской культуры появилась «всемирная отзывчивость», «умение возвращать миру преумноженное культурное богатство» – и в этом заключается миссия России. Восторженная публика, состоявшая из интеллигентов самых разных взглядов, разразилась громом аплодисментов, на глазах у многих были слёзы. Достоевский своими словами о Пушкине всех «растрогал, увлёл, примирил...». Многие сошлись в оценке этого события на том, что русские избавились от «комплекса неполноценности»: «Нация наконец готова участвовать в решении своей судьбы».